

Семья Цян приходит за долгом

Сун Тинчжу как раз рассказывал нескольким девочкам о травах, которые видел в книге. Проходя мимо большого баньяна, Лю Сяомэй помахала на прощание своим трём маленьким подругам.

— Возвращать долги — дело правильное и справедливое. Нет денег — значит, отдавайте чем можете!

Стоило им свернуть за угол, как из двора донёлся грубый, властный мужской голос.

Сяо гэр испугался и крепко вцепился в одежду Сун Тинчжу, прячась у него за спиной.

Сун Тинчжу прижал малыша к себе и вместе с растерянной Лю Сяомэй вошёл во двор. Там уже собралось несколько человек — не меньше шести или семи. Среди них он узнал двух женщин: одну — тётушку Чжан из семьи Ню, другую — тётушку Мэн из семьи Цян, мать Цян Шуаньэр.

Эти три семьи были в хороших отношениях, обе тётушки часто бывали у них дома. Часть свадебного выкупа, когда он женился, тоже пришлось занимать у них.

Люди во дворе не заметили вошедших. Несколько крепких мужчин продолжали громко требовать, чтобы семья Лю немедленно вернула долг.

Все мужчины семьи были на работе, дома остались только Жуань Сюлянь и старшая невестка Тан Чуньсин. Они спокойно занимались вышивкой, когда во двор внезапно ворвалась толпа. Им даже не дали возможности заговорить — сразу начали агрессивно требовать возврата денег.

Мэн Инхуа, учитывая прежние отношения между семьями, отозвала мужа в сторону и вышла вперёд. Вытирая слёзы, она сказала:

— Сестра, не обижайся на меня за бессердечие. У меня действительно нет выбора. Второй ребёнок уже долго болеет, нужны деньги на лечение. Шуаньэр в этом году тринадцать, пора бы уже подыскивать ей жениха. Нужно собрать ей приданое, чтобы в чужом доме её не обижали. Разве не так?

— Тётя Мэн, мы договаривались вернуть деньги через полгода, прошло всего три месяца. Приводить сюда людей и требовать долг — это уже слишком, — Тан Чуньсин нахмурилась. — Когда у семьи Цян несколько лет назад были трудности, мы вам помогали. А теперь вы так поступаете? Совесть совсем потеряли?

Мэн Инхуа натянуто улыбнулась:

— У меня правда нет другого выхода. В прошлом году урожай был плохой, денег почти не осталось. Сестра Сюлянь, ты же знаешь, мы с мужем столько лет вместе, и у нас всего один сын — Сяоян. Его нужно беречь. А теперь он заболел... денег совсем не хватает, вот и приходится стыдиться и приходиться просить.

Жуань Сюлянь выглядела обеспокоенной:

— Дорогая сестра, не то чтобы я не хотела возвращать, просто сейчас у меня действительно нет такой суммы.

— Жена Дашэна, это вы так говорите — не собираетесь платить? — тётка Чжан Дахуа

прищурилась, в голосе звучала злость. — Нет денег — отдавайте вещами: котлы, миски, куры, утки, гуси — всё, что можно продать!

Стоявший рядом с Чжан Дахуа крепкий мужчина получил знак и тут же подхватил:

— Слышал, там во дворе птица шумит. Пойдём, поймаем всю домашнюю живность!

Толпа тут же рванула в сторону заднего двора. Жуань Сюлянь и невестка не смогли их остановить и лишь беспомощно смотрели, как уводят кур и уток.

— Сяо гэр плачет...

Ся гэр прятался за Сун Тинчжу и тихо всхлипывал. Домашних птиц выращивали целый год, и он часто помогал их кормить, даже дал каждой имя. В семье их обычно резали тайком, чтобы не расстраивать малыша. Но теперь, увидев, как чужие люди уносят кур и уток, он не выдержал.

Лю Сяомэй кипела от злости, хотела остановить их, но разница в силе была слишком велика. Едва она сделала шаг вперёд, её толкнули на землю, корзина перевернулась, а собранные травы и дикие овощи рассыпались по земле и мгновенно были растоптаны.

Лю Сяомэй на мгновение застыла, потом опомнилась и попыталась их собрать, но Сун Тинчжу быстро удержал её.

— Зять... они испортили всё, что мы так долго собирали! — голос Лю Сяомэй дрожал, глаза покраснели.

Сун Тинчжу взял её за запястье, спрятал за своей спиной и мягко сказал:

— Безопасность важнее. Травы можно собрать снова в другой раз.

Лю Сяомэй от злости не могла вымолвить ни слова.

А Сяо гэр, увидев, что маленькую тётю обидели, надул щёки и сжал крошечные кулачки, выглядя одновременно грозно и трогательно:

— Плохие люди! Сяо гэр их ненавидит!

Сун Тинчжу защитил двоих малышей, укрыв их за своей спиной. Когда группа, нагруженная всем ценным из дома, с шумом и важным видом ушла, он наконец вывел их из укрытия.

Во дворе царил полный беспорядок: исчезли не только куры и утки, но даже железный котёл со плиты был унесён.

Жуань Сюлянь позвала Сяо гэра, вытирая слёзы внука и тяжело вздыхая:

— Давайте сначала приберёмся во дворе. В кладовке есть старый котёл. Старшая невестка, сходи принеси его и хорошенько вымой. Придётся пока обойтись им.

Тан Чуньсин откликнулась:

— Поняла, мама.

Сун Тинчжу, видя, что лицо свекрови побледнело и ей явно нехорошо, попросил Лю Сяомэй

помочь ей зайти отдохнуть. Сам он взял веник и попытался прибраться во дворе, но, никогда прежде не занимаясь подобным, стоял растерянно, оглядываясь, не зная, с чего начать.

— Давай я, зять. Ты отдохни, — Лю Сяомэй вышла из главной комнаты и забрала у него веник.

Жизнь семьи Лю и без того была нелёгкой, а после сегодняшнего случая стала ещё тяжелее. К тому же через месяц нужно будет платить налоги. Сейчас у них могло не хватить даже на еду, не говоря уже о налогах.

Сун Тинчжу нахмурился ещё сильнее. Он уже собирался идти в кладовку, когда Сяо гэр потянул его за одежду. Глаза малыша были красными, как у испуганного кролика.

— Дядя, мы завтра снова пойдём собирать травы?

Он наклонился и взял малыша за руку:

— Сяо гэр хочет собирать травы?

Малыш кивнул:

— Собирать травы и продавать их за деньги, чтобы купить бабушке и маме новых кур, уток и большой котёл.

Сердце Сун Тинчжу мягко сжалось. Он осторожно сжал маленькую ладонь и тихо сказал:

— На этот раз мы будем собирать не только подорожник, но и другие травы.

Подорожник приносит слишком мало денег. Ему нужно было внимательно пересмотреть книгу и найти травы, которые стоят дороже.

Увидев, как он достаёт кисть и тушь, Сяо гэр с любопытством придвинулся ближе.

Некоторые травы трудно различить, и Сун Тинчжу опасался, что малыши могут перепутать их, поэтому решил нарисовать. С образцами будет гораздо проще не ошибиться.

Сяо гэр сидел рядом, подперев подбородок ладонями, послушно наблюдая. Закончив один рисунок, Сун Тинчжу аккуратно взял лист за края, сначала надул губки и подул на него, потом осторожно отложил сушиться.

Так он нарисовал три-четыре эскиза и только тогда отложил кисть.

Лю Сяомэй позвала из двора — пора было есть. Сун Тинчжу собрал рисунки и повёл Сяо гэра в главную комнату.

За столом царило подавленное настроение: даже Сяо гэр чувствовал, что бабушка и мама не в духе. Малыш тихо прижался к Сун Тинчжу и грыз лепёшку из грубой муки.

Тан Чуньсин, будучи прямолинейной, не стала долго молчать:

— У нас почти не осталось риса и муки. Если не купить ещё, через несколько дней совсем останемся без еды.

Семьи Цян и Ню действовали бесчестно, забрав даже еду из дома. Сейчас переход от весны к лету — самое тяжёлое время года. Оставшихся запасов зерна не хватит, чтобы прокормить

восьмерых.

Жуань Сюлянь с тревогой отложила палочки:

— Завтра я поеду к родителям, попрошу зерна в долг. В этом месяце придётся сильно экономить. Когда начнётся летний урожай — станет легче.

Впервые Сун Тинчжу услышал, что свекровь упомянула родительский дом. Он не знал, насколько тёплые у них отношения, но по её лицу уже мог догадаться. После ужина он узнал от младшей сестры, что отношения там натянутые, и в последние годы даже появлялись признаки разрыва связей. От этого он невольно нахмурился.

<http://bllate.org/book/17218/1618248>